DOI 10.15826/izv2.2017.19.2.038
УДК 801.7 + 82:1 + 811.161.1'42

Д. В. Спиридонов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

В ПОИСКАХ ПРИРОДЫ НАРРАТИВНОСТИ

Рец. на кн.: *Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization* / ed. by N. Igl, S. Zeman. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2016. — 185 p.

В рецензии рассматривается подготовленная группой немецких исследователей монография «*Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization*», вышедшая в серии «*Linguistic Approaches to Literature (LAL)*». В рецензируемой книге представлена оригинальная версия когнитивной нарратологии, центральной категорией которой выступает понятие «перспективы». Используя это понятие, авторы монографии стремятся дать новое толкование центральной для нарратологии категории нарративности. В рецензии обращается внимание на эпистемологическую основу развиваемой в книге концепции, которую следует воспринимать прежде всего в контексте не утихающей дискуссии о «естественной» и «неестественной» нарратологии, начатой М. Флудерник, Б. Ричардсоном, Я. Альбером. Подчеркивается, что собранные в рецензируемой книге работы, с одной стороны, стремятся развивать тот вектор научной мысли, который был задан в концепции «естественной» нарратологии, с другой же — наглядно демонстрируют противоречия «натуралистического» взгляда на природу повествования.

Ключевые слова: теория литературы; нарратология; нарративность; повествование; когнитивная лингвистика; прагматика.

Проблема природы и границ нарративности относится к центральным и, вероятно, неразрешимым проблемам нарратологии и теории литературы. На протяжении последних пятидесяти лет разными исследователями предлагались различные понятия, рассматривавшиеся как ядерные по отношению к нарративности: «темпоральность», «трансформация», «каузальность», «экспериенциальность», «tellability» и др. (обзор подходов см. в [Rimmon-Kenan; Ryan]). Рецензируемая книга продолжает дискуссию относительно природы нарративности, которая в данном случае рассматривается в связи с категорией *перспективы* и *перспективации* (*perspectivization*). В данной монографии это понятие используется сразу в нескольких взаимосвязанных смыслах.

Во-первых, понятие перспективы задает противопоставление микро- и макроструктуры повествования: фрагмент текста может не опознаваться нами как повествовательный, например, потому, что не содержит рассказа о смене событий или маркеров субъективности, однако такой фрагмент может быть частью более протяженного текста, в свою очередь, наделенного всеми

признаками повествования. Отсюда два взгляда на нарративность: условно «лингвистический», фокусирующий на микроструктуре и, соответственно, микроструктурных, языковых признаках нарративности, и «литературоведческий», или «холистский», стремящийся охватить текст как целое. В методологическом отношении это противопоставление заставляет задуматься о том, что нарративность является подвижной, динамической категорией, а ее признаки могут по-разному проявляться на разных отрезках текста.

Второй аспект связан с тем, что в современной нарратологии, особенно в когнитивных теориях нарратива, нарративность рассматривается не как имманентно присущее тексту качество, а как характеристика, возникающая в сознании реципиента и обусловленная его «нарративным опытом». В этом контексте нарратив понимается как ментальный конструкт, формируемый в сознании читателя, «нарративизирующего текст» в процессе чтения. Если история возникает как результат взаимодействия текста и сознания читателя, «перспективирующего» этот текст как нарративный, то возникает вопрос о природе нашей способности прочитывать текст именно как текст повествовательный, а также о том, является ли эта способность специфической для конкретного семиотического способа построения истории (будь то литература, живопись, кино и пр.) или же она семиотически универсальна.

Наконец, третий аспект связан с чисто техническим пониманием перспективы как способа субъектной организации повествовательного текста. Следует напомнить, что для немецкой нарратологии, начиная с Кэте Фридеманин, именно субъектность повествования, т. е. оформленность рассказа с позиции некоторого «я», является ключевой для определения нарративности [см.: Шмид, с. 11–12]. Оставаясь в русле этой традиции, составители рецензируемой книги, однако, полагают, что ответ на вопрос о природе нарративности можно найти не тогда, когда мы признаем субъективность повествования его ключевой характеристикой, но тогда, когда мы зададимся вопросом о том, как соотносятся между собой два уровня повествования: то, о чем рассказывается, и то, как рассказывается (т. е. как рассказываемая история оформляется в сознании и в речи субъекта повествования). Очевидно, это соотношение подвижно, оно различается в зависимости от эпохи, жанра, используемого языка (опять же в семиотическом смысле), и, по всей видимости, это варьирование должно учитываться, когда мы говорим о нарративности.

Все эти аспекты позволяют рассматривать перспективу как динамическую категорию (отсюда термин «перспективация»), которая, как подчеркивает инициатор рецензируемого труда *Соня Цеман* (Sonja Zeman), должна описываться с опорой на принципы когнитивной лингвистики (р. 9). Далее мы охарактеризуем представленные в монографии работы, фокусируясь прежде всего на методологической стороне предлагаемого их авторами анализа.

В трех главах первой части книги очерчиваются базовые когнитивно-лингвистические основания категории перспективы. На этих работах мы остановимся более подробно.

В первой главе, написанной Соней Цеман, развивается идея о том, что различие между нарративным и ненарративным модусами конструирования дискурса лежит в способности реципиента различать два уровня нарративного содержания: то, о чем говорится, и то, с чьей точки зрения об этом говорится, т. е. другими словами, объект и субъект речи. Эта когнитивная способность, по мысли С. Цеман, укоренена в нашем повседневном опыте взаимодействия с миром и напрямую вытекает из нашей способности осознавать ограниченность нашей собственной точки зрения. Так, если я осознаю, что предмет, который доступен моему сознанию только с одной (моей) пространственной точки зрения, может быть воспринят другим человеком с другой пространственной точки, то я потенциально способен воспринять идею множественности точек зрения и ощутить собственную перспективу на предмет лишь как возможную и притом относительную. С. Цеман указывает на то, что способность осознавать ограниченность собственной точки зрения не является врожденной, она формируется постепенно к четырехлетнему возрасту, а также на тот факт, что эта способность в онтогенетической перспективе является основой для формирования «нарративной компетенции». В основе последней лежит способность принять чужую точку зрения на предмет, осознать, что некий предмет может быть дан мне сквозь призму чужой перспективы — пространственной, временной, психологической и пр. На микроуровне повествования именно эта когнитивная способность оказывается необходимой для корректной интерпретации предложений в прошедшем времени, дейктических и модальных элементов. И эта же способность, по мысли автора, обеспечивает корректную интерпретацию высказываний, содержащих свободную косвенную речь.

Напомним, что свободная косвенная речь (СКР) обычно рассматривается как ключевое нарративное явление, демонстрирующее, что в пределах одного грамматически связного дискурсивного отрезка могут сосуществовать несколько точек зрения. С. Цеман трактует СКР как прием, иллюстрирующий отличия нарративного модуса перспективации от ненарративного. По мысли автора, нарративный модус допускает несовпадение нарративной инстанции, отвечающей за конструирование текста как речевого целого, и нарративной инстанции, являющейся носителем оценки, тогда как ненарративный модус, противопоставляя предмет и субъект повествования, подталкивает воспринимать речь как «одноголосую»: субъект речи априори воспринимается как носитель высказываемой точки зрения¹.

Проблема, однако, в том, что, по мысли С. Цеман, нарративная перспективация, основанная на рецептивном выделении нарратора как носителя особой

¹ Конечно, нарративная перспектива возможна не только тогда, когда в тексте имеются явные признаки СКР. С. Цеман подчеркивает, что СКР скорее является стилистическим приемом, в котором наглядно проявляется тот факт, что для корректной интерпретации нарратива именно как нарратива необходимо уметь расщеплять ткань повествования на несколько субъектных планов (р. 31). Сама эта способность является важной при нарративной перспективации любых повествований, включая и те, в которых нет явных признаков СКР.

точки зрения или конституента особого нарративного уровня, основана на той же когнитивной способности, что и ненарративная, базирующаяся на допущении единства субъекта высказывания и субъекта оценки. Оба способа перспективации возникают вследствие способности субъекта к осознанию ограниченности точки зрения, обеспечивающей возможность разграничить по меньшей мере два повествовательных уровня: то, о чем говорится, и то, кем говорится. Отличие нарративной перспективы от ненарративной возникает тогда, когда реципиент оказывается способен воспринять речевой план (в терминах Ж. Женетта — «тот, кто говорит») как отличный от плана оценочного («тот, кто видит»).

Такое разграничение кажется нам эвристически двусмысленным. С одной стороны, в соответствии с духом и буквой теории «естественного повествования» Моники Флудерник [Fludernik], С. Цеман явно стремится вывести способность к нарративной перспективации литературного повествования из базовых когнитивных способностей, релевантных и на «долитературном» уровне. С другой стороны, подчеркивая, так сказать, непрерывность когнитивного опыта, универсальность базовых когнитивных структур, она вводит четкое противопоставление между нарративной и ненарративной перспективой, связанное со способностью читателя вычленить дополнительный повествовательный уровень, — и этот шаг, от ненарративной к нарративной перспективе, как будто бы не предполагает никакой специальной когнитивной основы, хотя ее анализ в значительной мере основывается на таком специфически литературном явлении, как СКР. В итоге оказывается, что предлагаемое автором противопоставление нарративной и ненарративной перспективы опирается на вполне традиционную (во всяком случае, в рамках немецкой нарратологии) концептуальную схему, однако не находит никакого собственно когнитивного объяснения.

Эта проблема имплицитно присутствует и во второй главе первой части книги, написанной *Барбарой Зонненхаузер* (Barbara Sonnenhauser). Будучи специалистом в области грамматики славянских языков, она фокусируется на двух интересных грамматических явлениях: пересказывательном наклонении² в болгарском языке и трехчастном определенном артикле в македонском языке³. Абстрагируясь от лингвистических подробностей, скажем лишь, что в данной главе Б. Зонненхаузер анализирует поведение указанных грамматических явлений в повествовательном тексте, показывая, как их дейктический потенциал участвует в выстраивании субъектной структуры повествования. Ее наблюдения, наверное, могут заинтересовать специалистов в области соответствующих языков. Нам же более существенным представляется другое.

² В отечественной традиции также используются термины: «неочевидное наклонение», «нарратив», «ренарратив», «комментатив», «пересказывательные формы» и др. Речь идет о глагольных формах, используемых тогда, когда говорящий рассказывает о событиях, свидетелем которых он сам не был и за достоверность которых он не ручается.

³ В македонском противопоставляются определенные артикли с морфом *-m-*, не выражающим пространственных отношений, и определенные артикли с морфами *-v-* / *-n-*, которые, помимо определенности, также имеют значение ближнего и дальнего указания.

Так, рассуждая о специфике использования болгарского ренарратива и македонского определенного артикля в повествовательном тексте, Б. Зонненхаузер эксплицитно связывает такой ракурс анализа с тем, что С. Цеман именуется нарративной перспективацией: если болгарский ренарратив и македонские определенные артикли наделяются разным дейктическим значением в условиях «обычного» общения и внутри повествовательного текста, то это потому, что во втором случае они встроены в повествовательную перспективу, задающую определенные параметры рецепции, в том числе и на микроуровне (например, на уровне отдельного высказывания). В то же время, при чтении главы становится очевидно, что предлагаемый Б. Зонненхаузер анализ связан с концепцией С. Цеман разве что риторически. В отличие от С. Цеман, которая явно находится под влиянием когнитивных теорий повествования, Б. Зонненхаузер опирается на положения Московской семантической школы, на противопоставление первичного и вторичного дейксиса, вводимое в работах Ю. Д. Апресяна и развиваемое Е. В. Падучевой. Другими словами, когда Б. Зонненхаузер говорит о «повествовательном модусе» (*narrative mode*), она скорее имеет в виду то, что Е. В. Падучева называет «нарративным режимом коммуникации», нежели то, что С. Цеман именуется «нарративной перспективацией». И разница здесь не просто терминологическая. Говоря о «нарративной перспективации», С. Цеман подчеркивает когнитивный аспект рецепции текста, способность реципиента к выделению и разграничению некоторых видов информации в пределах текста. Эта способность формируется в процессе онтогенеза и является производной от возникающего к 4 годам осознания ограниченности собственной пространственной точки зрения. В то же время понятие «нарративного модуса коммуникации» находит свое основание в лингвистической прагматике, иначе говоря, оно скорее опирается на знание реципиентом некоторого набора условностей, характерных для повествовательного текста и не характерных для «канонической ситуации общения» [см.: Падучева].

Прагматика является тем важнейшим звеном, которого так не хватает в концепции С. Цеман. Как мы уже видели, выстраиваемая ею «отногенетическая» модель объясняет тот факт, что нарративная и ненарративная перспектива могут опираться на один и тот же комплекс когнитивных способностей, но не объясняет различия между нарративной и ненарративной перспективами. Это различие, однако, объясняет прагматика, и именно это прагматическое истолкование нарративной перспективы демонстрирует (пусть и имплицитно) статья Б. Зонненхаузер.

Третья глава первой части, написанная Юлией Бютнер (Julia Büttner), посвящена нейролингвистическим параметрам обработки нарративной информации. Давно известно, что различные повреждения мозга могут проявляться в неспособности пострадавшего адекватно интерпретировать и продуцировать связный текст. Автор приводит небольшой обзор литературы, посвященной этой проблеме. В частности, она подчеркивает, что коммуникативная симптоматика классической афазии сильно отличается от проявлений неафатических

расстройств коммуникации, возникающих при повреждении лобных долей и правого полушария. Если в первом случае пациенты сохраняют способность к прагматической ориентации в коммуникативной ситуации, то во втором случае страдает именно социально-прагматическая составляющая: пациенты часто не могут придерживаться заданной темы, проявляют многословие, используют неуместные языковые средства, не реагируют на коммуникативные запросы собеседника, теряют способность к речевому самоконтролю, к пониманию имплицитной информации. При неафатических расстройствах страдают метакогнитивные «функции контроля» (*executive functions*), необходимые для планирования собственных действий, предугадывания действий окружающих, регуляции внимания.

Ю. Бютнер также различает две группы симптомов, связанных с нарушением способности к порождению и восприятию нарратива. Первая группа — это симптомы, которые указывают на неспособность пострадавшего к каузально-темпоральному выстраиванию последовательности событий. Такая симптоматика возникает при повреждениях фронтальной области слева и часто ассоциирована с неспособностью к синтаксически корректному построению предложения. Вторая группа симптомов проявляется в неспособности менять точку зрения при пересказывании событий. За эту способность отвечают два взаимодействующих между собой нейрональных центра, расположенные в дорсомедиальной префронтальной зоне коры и в височно-теменной зоне справа⁴. При построении собственного эксперимента Ю. Бютнер фокусируется именно на втором типе нарушений. Ее экспериментальные наблюдения показывают, что пациенты с нарушенными функциями контроля испытывают трудности с генерализацией нарративной информации, с пониманием неявных смыслов, а также оказываются неспособны к смене точки зрения. Последнее ведет к непониманию мотивации персонажей, что, в конечном счете, проявляется в неспособности построить связный рассказ. Это показывает, что адекватные функции контроля, наряду с базовыми языковыми навыками (включая и те, что отвечают за синтаксическую связность речи), являются неотъемлемым условием формирования способности к продуцированию и восприятию нарратива. Другими словами, нарративная компетенция возникает не только из способности к пониманию причинно-следственных и временных связей, но и из способности к смене перспективы. Этот вывод напрямую связывается автором с идеей С. Цеман об осознании релятивности собственной точки зрения как базовом условии нарративной компетенции.

У нас нет оснований скептически относиться к этим выводам. Однако следует заметить, что накопленные в науке экспериментальные данные по этой проблеме касаются главным образом «повседневных» нарративов (*everyday narratives*), т. е. речевых повествовательных текстов в широком смысле.

⁴ В нейросемантике эту систему также называют «сетью перспективы протагониста» (*protagonist perspective network*) [см.: Mason, Just].

Специалисты в области когнитивной нарратологии обычно исходят из того, что способность к восприятию и порождению, например, литературного нарратива производна от способности к восприятию повседневного нарратива. И это допущение кажется вполне справедливым. Однако «производна» не значит «идентична». В какой мере «нарративная перспективация», применяемая нами в случае с повседневным нарративом, подобна «нарративной перспективации», актуализируемой в случае с литературным нарративом, сказать трудно. За последние десятилетия исследования литературоведов и лингвистов позволили выявить целый ряд структурных и прагматических особенностей литературного нарратива, которые не типичны для обыденных повествовательных речевых сообщений и которые приходится игнорировать в том случае, если мы редуцируем литературный нарратив к нарративу повседневному. То же, вероятно, касается специфики кинематографических, театральных, музыкальных нарративов, интерактивных нарративов видеоигр (исследования в этой области стали очень модными в последнее время) и других специальных типов повествования. Впрочем, вторая часть рецензируемой книги посвящена как раз этому аспекту проблемы.

Так, *Наталия Игль* (Natalia Igl) анализирует элементы метанаррации в литературном повествовании. В них она видит проявление расслоения субъектной структуры речи нарратора, что позволяет рассматривать метанаррацию, наряду с СКР, в качестве специфического литературного приема, актуализирующего характерную для нарративной перспективы субъектную «многослойность» повествовательного текста. Развитие этой мысли приводит автора к предложению трансформировать модель коммуникативных уровней, популяризированную В. Шмидом [см.: Шмид, с. 35]. Н. Игль выделяет три уровня: уровень персонажей, уровень нарратора и уровень эксплицитного читателя (*narrataire, narratee*), — и располагает их вертикально. По задумке Н. Игль, это позволяет «проиллюстрировать динамическую структуру перспективации в повествовательном тексте» (р. 99): на разных отрезках повествования разные уровни (точнее их взаимодействие, поскольку подчеркивается, что перспективация связана с отношением одной повествовательной инстанции к другой) могут выходить на передний план или, наоборот, становиться фоном. Предлагаемый автором анализ действительно помогает проиллюстрировать заявленную в первой главе идею «рекурсивности» макро- и микроуровня (в качестве примера такой рекурсивности рассматривается, например, металепсис), но в то же время, он не дает ничего нового в понимании природы множественной точки зрения в литературном повествовании.

Иное, гораздо более продуктивное приложение категории перспективы предлагает *Сильван Вагнер* (Silvan Wagner), анализирующий категорию нарратора в немецкой средневековой эпической поэзии. С. Вагнер исходит из того, что категория нарратора подвергалась определенным историческим трансформациям и что, следовательно, нарратор в средневековой литературе обладает характеристиками, отличными от нарратора в литературе Нового времени. Анализируя эпические поэтические тексты XII–XIII вв., автор показывает, что

в это время природа роли нарратора оказывается производной от роли исполнителя соответствующих произведений: исследуемые тексты несут отпечаток той специфической театральности, которая сопровождала их реальное устное исполнение перед публикой. Нарратор в текстах этого времени представлен как реальное лицо, находящееся в одном помещении с публикой и воплощающее в своем исполнении множество других повествовательных инстанций. С. Вагнер показывает, однако, что такая форма повествования не стала прообразом новременной фигуры нарратора как виртуального субъекта письменной речи. Напротив, она эволюционировала в особую форму придворной камерной драмы, развивавшей, скорее, миметическую составляющую эпического повествования. Анализ С. Вагнера, при всех его достоинствах, не затрагивает важнейших вопросов, на которые выводят концептуальные построения С. Цеман и которые мы обозначили выше, прежде всего, вопроса о соотношении естественной повествовательной перспективы, характерной для «повседневных» нарративов с их референцией к «здесь и сейчас» рассказчика и его собеседника, и собственно литературной нарративной перспективы, ориентированной на реальность «виртуального» нарратора. В то же время, материал и сам ракурс его рассмотрения кажутся весьма интересными для обсуждения этой проблемы, причем, как в теоретическом, так и в историческом аспекте.

Театральный аспект проблемы нарративной перспективации рассматривает *Элизабет Бём* (Elisabeth Böhm), подчеркивая, что в театре, в отличие от прозаического текста, понятие перспективы обретает определенную материальность — временную и пространственную, и что именно эта материальность составляет специфику театрального нарратива. Отталкиваясь от теоретических построений Манфреда Пфистера [Pfister], Э. Бём проблематизирует понятие перспективы применительно к театральному действию. Она показывает, что в театре, как и в повествовательных текстах, нарративная перспектива предполагает разведение уровня персонажей и уровня нарратора, которое в условиях театра может реализовываться различными средствами, так или иначе связанными с оценкой происходящего на сцене, а также с рефлексией относительно условности самой театральной формы. Э. Бём предлагает блестящий анализ театральной нарративной перспективы, который, за счет особенного внимания к театральной технике, с одной стороны, подтверждает общую схему, заданную в статье С. Цеман (Э. Бём солидаризируется с ее концепцией перспективы), а с другой — демонстрирует специфику именно театральной повествовательной ситуации и, добавим, прагматических параметров театральной коммуникации. Такой анализ до некоторой степени (по крайней мере, применительно к театральному нарративу) восполняет теоретический пробел, который мы отметили в связи с первой главой монографии. Э. Бём показывает, как именно формируется возможность собственно нарративной перспективы в восприятии сценического действия. Однако (и это тоже хорошо заметно) этот уровень анализа уже не нуждается в когнитивных моделях и реально выполняется с опорой на иной методологический фундамент.

Последняя глава написана *Тобиасом Шётлером* (Tobias Schöttler), в ней рассказывается о повествованиях, представленных в форме изображений, причем в данном случае речь идет о единичных изображениях. Вопрос, который ставит Т. Шётлер, звучит так: может ли отдельно взятая картина считаться нарративом и существует ли, стало быть, такое явление, как «пикторальная нарративность». Пафос главы заключается в том, чтобы показать, что зритель способен «достроить» историю, отдельный момент которой изображен на картине. При этом Шётлер подчеркивает тот факт, что восприятие картины в этом смысле требует того же когнитивного навыка, который необходим для восприятия речевого нарратива. Последний, как и картина, неполон и требует некоторых когнитивных усилий со стороны реципиента, который должен достроить его содержание.

Как видим, главы второй части развивают скорее редукционистскую стратегию толкования нарративной перспективы: любой вид нарративизации, неважно, идет ли речь о литературе, театре или живописи, опирается на универсальные когнитивные механизмы. Между тем, не отрицая важности общих когнитивных предпосылок нарративной перспективы, заметим, что разве что в главе, написанной Э. Бём, достаточно подробно говорится о прагматических параметрах, регулирующих возможность нарративной перспективы для определенного вида нарратива. Между тем, это наблюдение может быть интересно в аспекте неутраченной полемики о «естественной» и «неестественной» нарратологии. Явно разделяя пафос Моники Флудерник, авторы сборника, однако, либо останавливаются на полпути, оказываясь не в силах подвести когнитивную базу под собственно литературный, театральный и т. д. способ нарративизации, либо, наоборот, стремясь дать более узкое описание нарративной перспективы, выходят за пределы собственно когнитивной методологии, что само по себе весьма симптоматично.

Подводя итоги, отметим, что рецензируемая книга несомненно будет интересна специалистам в области теории литературы, лингвистической нарратологии и когнитивной лингвистики. В ней излагается самобытная версия когнитивной теории повествования (впрочем, как мы показали, она не избежала тех проблем, которые характерны для когнитивной нарратологии в целом), кроме того, большой интерес представляют отдельные главы монографии, которые, надеемся, найдут отклик и в отечественном научном сообществе.

Падучева Е. В. Семантика нарратива // Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 193–418.

Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003.

Fludernik M. Towards a Natural Narratology. London : Routledge, 2002.

Mason R. A., Just M. A. The Role of the Theory-of-Mind Cortical Network in the Comprehension of Narratives // Language and Linguistics Compass. 2009. № 3/1. P. 157–174. <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00122.x>

Pfister M. The Theory and Analysis of Drama. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

Rimmon-Kenan S. Concepts of narrative [Electronic resource] // COLLeGIUM. 2006. Vol. 1 P. 10–19. URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25747/001_03_rimmon_kenan.pdf.

Ryan M.-L. Toward a Definition of Narrative // The Cambridge Companion to Narrative / ed. by D. Herman. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 22–36. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521856965.002>

Рецензия поступила в редакцию 05.02.2017

Спиридонов Дмитрий Владимирович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
ком. 302
E-mail: dspiridonov@mail.ru

Spiridonov, Dmitry Vladimirovich
PhD, Associate Professor,
Chair of Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., Office 302,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: dspiridonov@mail.ru

LOOKING FOR THE NATURE OF NARRATIVITY

Review of Igl, N., & Zeman, S. (Eds.). (2016). *Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins. 185 p.

This paper provides a critical survey of the works published in *Perspectives on Narrativity and Narrative Perspectivization*, a volume of *Linguistic Approaches to Literature (LAL)* series written by a team of German scholars. The book under review presents an original version of cognitive narratology based on the category of perspective. With reference to this concept, the authors of the volume in question seek to develop a new interpretation of the basic category of narratology, that of narrativity. The reviewer primarily focuses on the epistemological basis of the conception developed in the book which should be considered in the context of the ongoing discussion about 'natural' and 'unnatural' narratology initiated by Monika Fludernik, Brian Richardson, and Jan Alber. The review emphasises the fact that the works collected in the volume reviewed, in spite of seeking to support the conceptual background of 'natural' narratology that they explicitly share, clearly demonstrate the shortcomings and contradictions inherent in the 'naturalist' perspective on the category of narrativity.

Key words: literary theory; narratology; narrativity; narration; cognitive linguistics; pragmatics.

Fludernik, M. (2002). *Towards a Natural Narratology*. London: Routledge.

Mason, R. A., & Just, M. A. (2009). The Role of the Theory-of-Mind Cortical Network in the Comprehension of Narratives. *Language and Linguistics Compass*, 3/1, 157–174. <http://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2008.00122.x>

Paducheva, E. V. (1996). *Semanticheskie issledovaniia* [Studies in Semantics]. Moscow: Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

Pfister, M. (1993). *The Theory and Analysis of Drama*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rimmon-Kenan, S. (2006). Concepts of narrative. *COLLeGIUM*, 1, 10–19. Retrieved from https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25747/001_03_rimmon_kenan.pdf.

Ryan, M.-L. (2007). Toward a Definition of Narrative. In D. Herman (Ed.), *The Cambridge Companion to Narrative* (pp. 22–36). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521856965.002>

Schmid, W. (2003). *Narratologiia* [Narratology]. Moscow: Iazyki russkoi kultury. (In Russian)

Received on 5 February, 2017